

Александр Владимирович САЛЕНКО¹

УДК 342.729

**СВОБОДА МИРНЫХ СОБРАНИЙ
В РОССИИ И ГЕРМАНИИ:
ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ
И КЛАССИФИКАЦИИ¹**

¹ кандидат юридических наук,
магистр права (LL. M., Гёттинген),
доцент кафедры международного и европейского права,
Балтийский федеральный университет
им. Иммануила Канта (г. Калининград)
asalenko@kantiana.ru

Аннотация

В статье проводится сравнительное исследование конституционного законодательства о свободе мирных собраний России и Германии, в частности, изучается понятие публичного мероприятия и его главные элементы. Автор делает вывод, что в российском законодательстве о свободе собраний в качестве родового понятия выступает термин «публичное мероприятие», в то время как в ФРГ подобным родовым понятием является «собрание» (*Versammlung*). Важная особенность российского законодательства заключается в том, что в федеральном законе изначально были также закреплены все основные термины: публичное мероприятие, собрание, митинг, демонстрация, шествие, пикет. В праве публичных собраний ФРГ эти понятия длительное время отсутствовали; только спустя годы, благодаря практике Федерального конституционного суда ФРГ (постановления по делу Брокдорф 1984 г. и по делу «парада любви» 2001 г.),

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке БФУ имени Иммануила Канта за счет средств субсидии, предоставленной по программе повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров: проект «5-100» (докторские гранты БФУ им. И. Канта по проекту «5-100»).

Цитирование: Саленко А. В. Свобода мирных собраний в России и Германии: вопросы терминологии и классификации / А. В. Саленко // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Том 3. № 2. С. 88-103.
DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-2-88-103

понятие «собрание» (*Versammlungsbegriff*) было в общих чертах сформулировано, и после реформы федерализма данный термин был закреплён в законах земель. Проведённое сравнительное конституционно-правовое исследование позволяет понять практическое значение юридической терминологии, а также выявить плюсы и минусы отечественного законодательства о свободе мирных собраний. На основании выполненного анализа автором были сделаны выводы относительно модернизации российского законодательства о свободе мирных собраний.

Ключевые слова

Демонстрация, митинг, шествие, пикет, собрание, публичное мероприятие, свобода мирных собраний, право публичных собраний, наномитинг, смартмоб, флешмоб, парад любви, реформа федерализма, Германия, Федеративная Республика Германия, Россия, Российская Федерация.

DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-2-88-103

Введение

В современной Российской Федерации активно развивается законодательство о свободе мирных собраний, а также складывается обильная и, можно даже сказать, противоречивая правоприменительная практика в данной области. Примечательным фактом является то, что в России отдельный специальный федеральный закон (*lex specialis*) о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях появился лишь спустя одиннадцать лет после принятия Конституции РФ [12]. В этом отношении можно лишь догадываться, каковы были главные причины такого длительного бездействия со стороны российских законодателей. Выскажем предположение, что, наверное, именно возрастающая гражданская активность послужила основной причиной для того, чтобы в 2004 году на федеральном уровне был принят специальный закон о свободе мирных собраний в России. При характеристике современного российского законодательства о публичных собраниях можно, с одной стороны, согласиться с мнением коллег, которые к числу его достоинств относят детальное правовое регулирование «системы форм публичных мероприятий» [9, с. 53-54]. Действительно, федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» содержит основные понятия и подробно регламентирует существующие формы и виды публичных мероприятий.

С другой стороны, практика применения данного федерального закона показывает, что весьма часто правоприменители сталкиваются с трудностями юридической квалификации тех или иных мирных публичных акций [11, с. 12]. Например, подобные трудности правовой квалификации возникли при проведении «наномитинга», который был впервые организован в Барнауле в 2012 году, когда в «митинге» принимали участие не люди, а детские куклы и прочие игрушки, снабжённые лозунгами с политическими требованиями [1]. Позднее

«наномитинги» («митинги игрушек») были организованы также и в других российских городах: в Омске, Ижевске, Иркутске, Апатитах, Улан-Удэ и Санкт-Петербурге [2]. В результате возник вопрос, подпадает ли так называемый «наномитинг» под понятие публичного мероприятия. Аналогичным образом у сотрудников правоохранительных органов возникли проблемы юридической квалификации действий участников следующих весьма необычных по своему характеру мирных акций: флешмоба «Честные выборы умерли» в Хабаровске и флешмоба «Безмолвный крик» в Екатеринбурге [5, с. 35-37]. В первом случае организаторы мирной публичной акции в знак своего несогласия с окончательными итогами президентских выборов 4 марта 2012 г. возложили цветы ко входу в здание Избирательной комиссии Хабаровского края. Во втором случае мирная акция была организована около здания городской администрации в Екатеринбурге 28 февраля 2009 г.: в ходе акции несколько человек держали в руках белые транспаранты, лишенные надписей; участники этой мирной акции «ходили по кругу, размахивали кулаками и беззвучно открывали рот, как будто скандируя» [5, с. 36]. И в том, и другом случае вновь возник вопрос, подпадают ли данные мирные и открытые акции под понятие публичного мероприятия. Следует отметить, что в первом случае организатор флешмоба «Честные выборы умерли» был задержан сотрудниками полиции и привлечен к административной ответственности за мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ); во втором случае мирная акция прошла без вмешательства сотрудников правоохранительных органов. Таким образом, надлежащая юридическая квалификация мирных и открытых акций в качестве публичных мероприятий влечет за собой серьезные правовые последствия в первую очередь для организаторов и участников, которые достаточно часто имеют негативный характер в виде значительных административных штрафов.

В этом контексте важное практическое значение приобретает правовой анализ понятия публичного мероприятия и разбор его основных элементов. При этом сравнительно-правовое исследование данного вопроса позволяет лучше понять сильные и слабые стороны отечественного законодательства о свободе мирных собраний. В данной статье осуществляется сравнительный конституционно-правовой анализ понятия мирных собраний и их основных признаков в Российской Федерации и Федеративной Республике Германии. Следует отметить, что в Германии отдельный специальный федеральный закон о публичных мероприятиях был принят в 1953 г. [23], т. е. спустя четыре года после того, как был принят Основной Закон Германии (далее также как ОЗГ) [6, с. 25]. Вместе с тем, современное право публичных собраний ФРГ представляет собой весьма динамично меняющуюся материю. В Германии была проведена реформа федерализма, одним из результатов которой стало перераспределение законодательной компетенции между федерацией и федеральными землями: теперь правовое регулирование свободы мирных собраний передано на уровень субъектов федерации. С 1 сентября 2006 г. федеральный закон ФРГ о свободе мирных собраний применяется только в тех федеральных землях

Германии, которые пока не приняли собственный закон о свободе собраний (ч. 1 ст. 125а ОЗГ). По состоянию на май 2017 г. пять из шестнадцати федеральных земель ФРГ приняли собственные законы о свободе мирных собраний: Бавария [13], Нижняя Саксония [30], Саксония [22], Саксония-Анхальт [21] и Шлезвиг-Гольштейн [32]. Таким образом, новое законодательство федеральных земель ФРГ является достаточно молодым, и сейчас начинает формироваться первая практика применения этих нормативных правовых актов. В этом отношении весьма интересно сравнить российский и немецкий опыт правового регулирования свободы мирных собраний, в частности регламентацию понятия, основных элементов и видов (в том числе новых и нестандартных форм) публичных мероприятий.

Понятие и основные виды мирных собраний в Российской Федерации

Отправной точкой правового регулирования свободы мирных собраний в России является лаконичная формулировка статьи 31 Конституции РФ (далее также как КРФ), согласно которой граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование. Таким образом, Конституция Российской Федерации только лишь называет пять основных видов публичных мероприятий, однако детально не раскрывает каждого понятия в отдельности. Впоследствии общее родовое понятие было закреплено в статье 2 федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», в качестве которого был выбран термин «публичное мероприятие». В соответствии с федеральным законом, под публичным мероприятием понимается открытая, мирная, доступная каждому, проводимая в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм акция, осуществляемая по инициативе граждан Российской Федерации, политических партий, других общественных и религиозных объединений, в том числе с использованием транспортных средств. В качестве важного элемента публичного мероприятия закон выделяет его цель — свободное выражение и формирование мнений, а также выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики [7, с. 8].

При анализе содержательной части термина «публичное мероприятие» можно констатировать его весьма широкий характер. Сегодня практически любая открытая, мирная, доступная каждому акция может попасть под эту всеобъемлющую юридическую формулировку. В качестве примера рассмотрим крупнейшую акцию неополитического характера в современной истории России — торжества российских болельщиков, прошедшие после выхода сборной России в полуфинал чемпионата Европы по футболу 22 июня 2008 г. [10]. В этот день, несмотря на позднее время (игра закончилась около часа ночи по московскому времени), победу российских футболистов праздновали миллионы людей

в различных городах России: на протяжении всей ночи болельщики запускали фейерверки, сигналили, перекрывали движение на улицах и площадях российских городов. При квалификации данной мирной, публичной, спонтанной по своему характеру акции, которую российские СМИ обозначили в качестве так называемых народных гуляний, можно все же говорить о том, что имело место массовое публичное мероприятие, главная цель которого заключалась в свободном выражении мнений и формировании общественного мнения по вопросам социальной и культурной жизни страны, а именно в сфере спортивной жизни Российской Федерации. При этом можно также утверждать, что данная массовая акция прошла в сочетании нескольких форм публичного мероприятия: имели место быть собрания, митинги, демонстрации и шествия.

Выскажем предположение, что не все коллеги разделят нашу точку зрения на юридическую квалификацию описанных выше событий. Наверняка появится возражение о том, что массовые торжества российских болельщиков не являлись публичным мероприятием по смыслу федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», а представляли собой «массовое одновременное пребывание и (или) передвижение граждан», т. е. эти торжества по своим формальным признакам подпадали под действие статьи 20.2.2 КоАП РФ, которая действует в Российской Федерации с 8 июня 2014 года¹. В канве нашего исследования содержание ст. 20.2.2 КоАП РФ имеет весьма важное значение, т. к. оно существенно расширяет предмет современного российского права публичных собраний, а именно вводит достаточно своеобразную правовую категорию «массовое одновременное пребывание и (или) передвижение граждан». В чем же заключается главное отличие *публичного мероприятия* от *массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан*? К сожалению, Кодекс об административных нарушениях РФ не содержит соответствующего понятия; однако представляется, что принципиальное отличие между данными акциями заключается в их целях. В то время как целью *публичного мероприятия* является свободное выражение и формирование мнений, а также выдвижение требований по разным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики, при *«массовом одновременном пребывании и (или) передвижении граждан»* такой цели нет. Именно такой вывод напрашивается при анализе положений действующего административного законодательства (ст. 20.2.2 КоАП РФ). Таким образом, подводя промежуточные итоги, мы можем сказать, что современное российское законодательство о свободе собраний содержит два родовых понятия: термин «публичное меро-

¹ В данном контексте отметим, что в нашем исследовании мы сконцентрировали свое внимание исключительно на материально-правовых аспектах, которые связаны с признаками публичного мероприятия, при этом мы не учитываем существующие процессуальные аспекты, в частности тот аргумент, что ст. 20.2.2 КоАП РФ не действовала в 2008 г., когда прошли народные гуляния российских болельщиков.

приятие» и термин «массовое одновременное пребывание (передвижение) граждан». В свою очередь, первое родовое понятие «публичное мероприятие» содержит в себе пять видовых понятий: собрание, митинг, демонстрация, шествие и пикетирование.

Понятие и основные виды мирных собраний в Германии

Основной Закон Германии устанавливает, что все немцы имеют право собираться мирно, без оружия, без предварительного уведомления или разрешения (ч. 1 ст. 8 ОЗГ). Помимо этого закрепляется, что при собраниях под открытым небом данное право может быть ограничено законодательством (ч. 2 ст. 8 ОЗГ). Однако следует заметить, что Основной Закон ФРГ 1949 года не раскрыл самого понятия «собрание» (*Versammlung*), которое в немецкой правовой доктрине используется в качестве родового собирательного термина. Принятый впоследствии федеральный закон о свободе собраний в ФРГ 1953 г. также не содержал легального определения собрания. Впервые понятие собрания (*Versammlungsbegriff*) было конкретизировано в постановлениях федерального конституционного суда Германии (далее также как ФКС ФРГ). В частности, общее (родовое) понятие публичного собрания было дано ФКС ФРГ в решении по делу Брокдорф от 14 мая 1985 г. [20, с. 948], а также несколько позднее — в 2001 г., когда судьи ФКС ФРГ снова вернулись к понятию и характеристике признаков публичного собрания, рассматривая громкое дело, связанное с проведением знаменитого «парада любви» в Берлине [33, с. 274]. И только после реформы немецкого федерализма 2006 г. (*Föderalismusreform I*) в региональном законодательстве федеральных земель Германии впервые появится легальное определение собрания.

Еще раз отметим важную особенность, что в соответствии с Основным Законом Германии (ч. 1 ст. 125а) федеральный закон о свободе собраний в ФРГ сохраняет свое действие только в тех землях и только до того момента, пока не будет принят соответствующий земельный закон о собраниях [31, с. 151]. Однако, спустя одиннадцать лет после реформы немецкого федерализма, только лишь меньшая часть субъектов германской федерации (пять федеральных земель) решилась на то, чтобы воспользоваться новой законодательной компетенцией [27, с. 193]. При этом законодатель одной из этих пяти федеральных земель, а именно Саксонии-Анхальт, не стал фиксировать в своем региональном законе понятие собрания. В то же время остальные четыре федеральных земли закрепили в своих законах примерно одинаковое понятие и похожие признаки собрания. Так, например, закон о собраниях федеральной земли Бавария (ч. 1 ст. 14) следующим образом регламентирует понятие собрания: собрание представляет собой совместное присутствие по меньшей мере двух человек, основной целью которого является коллективное выражение идей и взглядов, направленных на формирование общественного мнения. В законе федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн (ч. 1 § 2) минимальное число участников было

увеличено до трех. Помимо этого, интересная деталь также заключается в том, что демонстрация обозначается региональными законодателями в качестве «двигающегося (перемещающегося в пространстве) собрания» (*fortbewegende Versammlung*).

Теоретические рассуждения о понятии и основных элементах собрания имеют важное практическое значение. Так, например, в упомянутом выше деле «парада любви» в Берлине квалификация данного мероприятия повлекла весьма ощутимые правовые последствия. В частности, организаторы ежегодного «парада любви» настаивали на том, что их мероприятие является по своей сути собранием в конституционно-правовом смысле, а именно представляет собой политическую демонстрацию; однако представители городских властей не соглашались с этим и в своей аргументации исходили из того, что данное ежегодное массовое развлекательное мероприятие не может быть признано собранием по смыслу статьи 8 ОЗГ, а следовательно, организаторы «парада любви» в Берлине должны нести ответственность за уборку городских улиц после проведения этого развлекательного мероприятия (*Spaßveranstaltung*) [18]. Таким образом, по мнению берлинских муниципальных властей, организаторы данного мероприятия должны были оплатить услуги городских коммунальных служб в размере 670 000 DM (сегодня эта сумма составила бы около 335 000 евро) [16]. В конечном итоге судьи КС ФРГ встали на сторону городских властей и квалифицировали всемирно известный «парад любви» в Берлине в качестве массового развлекательного мероприятия, на которое не распространяется защита статьи 8 ОЗГ о свободе собраний. По мнению КС ФРГ, подобные акции представляют собой «массовую открытую вечеринку» (*öffentliche Massenparty*), основной смысл которой сводится к развлечению участников, а не формированию общественного мнения [17, с. 28]. Таким образом, в ходе десятилетий, которые прошли после принятия Основного Закона ФРГ (1949-2017 гг.), в немецком законодательстве и правоприменительной практике (главным образом в постановлениях КС ФРГ) сформировалось конституционно-правовое понятие собрания в узком смысле этого слова, в котором выделяют следующие три основных элемента: минимальное число участников, общее место собрания и общая цель собрания [24, с. 18].

По общему правилу, которое сложилось изначально благодаря правоприменительной практике, а затем уже в немецком региональном законодательстве, минимальное число составляет два человека. Как уже было сказано, исключение представляет собой лишь земля Шлезвиг-Гольштейн, где минимальное число участников собрания составляет три человека. Кроме того, следует отметить, что право публичных собраний Германии вовсе не регламентирует одиночные пикеты в качестве разновидности собраний. Немецкие правоведы рассматривают одиночный пикет исключительно в качестве формы реализации свободы мысли и слова, которую регламентирует часть 1 статьи 5 Основного Закона Германии [19, с. 26].

Что касается общего места собрания, то в немецкой юридической доктрине подчеркивается, что участники мероприятия должны физически присутствовать в месте собрания (*körperliche Anwesenheit*); данный признак выделяется для того, чтобы подчеркнуть, что конституционно-правовая свобода собраний не распространяется на виртуальную реальность (например, на интернет-встречи в чат-румах (*chatroom*) и т. п.). Кроме того, со стороны должно быть понятно, что речь идет о собрании общей группы, в рамках которой возможна как внутренняя коммуникация между ее участниками, так и внешняя коммуникация с третьими лицами. В частности, не будет являться собранием в конституционно-правовом смысле совместная акция нескольких лиц, проводимая на центральной площади и направленная на раздачу листовок. При подобном мероприятии, безусловно, можно констатировать совместное физическое присутствие нескольких лиц в одном месте, однако в данном случае не возникает соответствующего восприятия лиц, раздающих листовки, в качестве общей группы [15, с. 633].

И последний элемент, который, согласно господствующему в немецкой юридической науке мнению, отличает собрание в конституционно-правовом смысле от прочих скоплений людей, — общая цель мероприятия, которая направлена на совместное выражение идей и взглядов, чтобы в конечном итоге оказать влияние на формирование или изменение общественного мнения. Этот аспект обуславливает особое значение свободы мирных собраний в рамках системы представительной демократии. Именно благодаря данной свободе у граждан есть возможность выразить свои мнения и взгляды, в частности в тех случаях, когда необходимо защитить интересы меньшинства, которое зачастую не имеет своих представителей в органах власти и местного самоуправления [14, с. 19].

Резюмируя, можно обобщить, что немецкая юридическая наука выработала весьма детализированное общее понятие собрания (*Versammlungsbegriff*), которое выступает в качестве родового (собирательного) по отношению ко всем остальным видам публичных мероприятий. Кроме того, можно сказать, что в качестве двух основных подвидов собраний в немецком праве выделяются стационарные собрания (*Versammlung* — собрания, митинги, пикеты и пр.) и динамические собрания (*Aufzug* — шествие, демонстрация, автопробег и пр.). Немецкий законодатель ограничился тем, что установил содержание лишь родового понятия «собрание»; понятия и признаки всех остальных видов собраний не регламентируются в законодательстве ФРГ. Последней отличительной чертой немецкого законодательства о свободе собраний является то, что в качестве дополнительных подвидов собраний выделяются собрания под открытым небом (*öffentliche Versammlungen unter freiem Himmel und Aufzüge*) и собрания в закрытых помещениях (*öffentliche Versammlungen in geschlossenen Räumen*).

Заключение

Подводя общие итоги, можно констатировать, что как в Российской Федерации, так и в Федеративной Республике Германии вопросы терминологии и

способов классификации публичных мероприятий (собраний) представляют собой весьма динамическую субстанцию. В обеих странах в ходе исторического развития терминологический аппарат по отношению к свободе собраний развивался и корректировался с учетом практики конституционных судов. При этом важно понимать, что действующее законодательство и правоприменительная практика отражают национальную специфику и исторический опыт каждой из этих стран. Однако данный вывод не исключает того, что отдельные положительные моменты немецкого права публичных собраний могут быть заимствованы и соответствующим образом адаптированы в российском законодательстве о свободе собраний. В частности, для Российской Федерации интересной может быть дальнейшая детализация основного (родового) понятия «публичное мероприятие» так, как это было сделано в немецкой юридической доктрине, что, однако, не сопровождалось последующей регламентацией всех возможных подвидов собраний. Как показывает жизнь, сегодня появляются новые виды публичных мероприятий: наномитинги, флешмобы, смартмобы, протестные палаточные лагеря, массовые вечеринки, политконцерты и пр. — которые не укладываются в традиционные пять форм публичных мероприятий, выделяемые российским законодателем: собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования. В этом отношении приходится констатировать, что разница между собранием и митингом, демонстрацией и шествием достаточно условна. Кроме того, публичное мероприятие в ходе его проведения может трансформироваться и плавно перетекать из одной формы в другую или одновременно сочетать в себе несколько форм публичного мероприятия. Поэтому попытка законодательно закрепить понятие каждого потенциально возможного вида публичного мероприятия по своей сути будет являться заведомо ошибочной и обреченной на неудачу. Более рациональным представляется процесс дальнейшей детализации общего (родового) понятия в сфере свободы мирных собраний: в России — понятия публичного мероприятия; в Германии — понятия собрания (*Versammlung*). При этом следует иметь в виду, что отдельные современные немецкие ученые все же подвергают критике господствующую доктрину, согласно которой главной целью собрания должно быть выражение мнений и взглядов по вопросам и проблемам общественно-политического характера (так называемое собрание в узком смысле слова) [28, с. 422]. По мнению Депенхойера, произошло необоснованное «политизированное сужение» понятия собрания, что было отчетливо видно в деле «парада любви» в Берлине [29]. В то же время в Российской Федерации наблюдается стремление законодателя к тому, чтобы чрезмерно регламентировать свободу собраний: в 2014 году появилось новое понятие «массовое одновременное пребывание и (или) передвижение граждан»; кроме того, законодатели отдельных субъектов Российской Федерации пытаются приравнять встречи граждан с депутатами к митингам [3]. Таким образом, важно, чтобы при правовой регламентации в законодательстве основных терминов и при осу-

ществлении классификации публичных мероприятий соблюдался баланс интересов: с одной стороны — законных интересов граждан, реализующих свое фундаментальное право на свободу собраний, а с другой стороны — государства, которое несет ответственность за обеспечение безопасности и общественного порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В Барнауле игрушки устроили новый «наномитинг» // Интернет-портал «Права человека в России» (HRO.org). 20.02.2012. URL: <http://hro.org/node/13314> (дата обращения: 12.05.2017).
2. Гогитitze К. Власти заинтересовались игрушечными митингами / К. Гогитitze // BBC. Русская служба. 27.01.2012. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2012/01/120127_barnaul_nanomeeting_toys_rally.shtml (дата обращения: 12.05.2017).
3. Забурина О. Встречи депутатов с избирателями в Петербурге приравняли к митингам / О. Забурина // Российское информационное агентство «РБК.RU». 08.02.2017. URL: http://www.rbc.ru/spb_sz/08/02/2017/589b1f719a7947af393b644d (дата обращения: 12.05.2017).
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «Консультант Плюс».
5. Князева И. И. К вопросу о понятии и сущности флешмоба как одной из форм проведения публичных мероприятий / И. И. Князева // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 8. С. 35-37.
6. Основной закон Федеративной Республики Германии, 23 мая 1949 г. // Баварская государственная библиотека. «100(0) ключевых документов по германской истории в 20 веке». URL: http://www.100dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&st=&l=ru (дата обращения: 12.05.2017).
7. Риэскинен М. А. Конструктивный протест в конституционном праве: идеализированный миф или потенциальная реальность? / М. А. Риэскинен // Lex Russica. 2014. Т. ХСVI. № 5. С. 587-593.
8. Риэскинен М. А. «Протест» в конституционном праве: содержание и значение / М. А. Риэскинен // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6). С. 163-169.
9. Симонова С. В. Формы публичных мероприятий: проблемы и подходы / С. В. Симонова // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 53-56.
10. Титеев А. Лучший ЕВРО в истории сборной России / А. Титеев // Интернет-издание «Чемпионат.com». URL: <https://www.championat.com/football/article-126106-luchshij-evro-v-istorii-sbornoi-rossii.html> (дата обращения: 12.05.2017).
11. Шаблинский И. Г. Правовые условия проведения мирных собраний и решение Европейского Суда по правам человека по делу «Фрумкин против России»:

- комментарий к постановлению ЕСПЧ от 5 января 2016 года (жалоба № 74568/12) / И. Г. Шаблинский // *Международное правосудие*. 2016. № 4 (20). С. 12-26.
12. Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Консультант Плюс».
  13. Bayerisches Versammlungsgesetz (BayVersG) vom 22. Juli 2008 (GVBl. S. 421, BayRS 2180-4-I), das zuletzt durch § 1 des Gesetzes vom 23. November 2015 (GVBl. S. 410) geändert worden ist // URL: <http://gesetze-bayern.de/Content/Document/BayVersG08> (дата обращения: 12.05.2017).
  14. Blanke T. Demonstrationsfreiheit — Geschichte und demokratische Funktion / T. Blanke, D. Sterzel // *Kritische Justiz* (KJ). 1981. S. 347.
  15. Burgi M. Art. 8 GG und die Gewährleistung des Versammlungsorts. Die Öffentliche Verwaltung (DÖV) / M. Burgi // *Zeitschrift für Öffentliches Recht und Verwaltungswissenschaften*. 1993. S. 633.
  16. Bundesverfassungsgericht: Love Parade ist nur Spaß. SPIEGEL-ONLINE. URL: <http://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/bundesverfassungsgericht-love-parade-ist-nur-spas-a-144799.html> (дата обращения: 12.05.2017).
  17. Deutelmoser A. Angst vor den Folgen eines weiten Versammlungsbegriffs? (Love-Parade, Chaos-Tage als Versammlung) / A. Deutelmoser // *Neue Zeitschrift für Verwaltungsrecht* (NVwZ). 1999. S. 240.
  18. Loveparade ist eine Spaßveranstaltung. Frankfurter Allgemeine Zeitung. FAZ.NET. 13.07.2001. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/berlin-loveparade-ist-eine-spasveranstaltung-131767.html> (дата обращения: 12.05.2017).
  19. Frankenberg G. Demonstrationsfreiheit — eine verfassungsrechtliche Skizze / G. Frankenberg // *Kritische Justiz* (KJ). 1981. S. 370.
  20. Gericke J. Heidelberg. 30 Jahre Brokdorf-Beschluss — Versammlungsrecht quo vadis? / J. Gericke // *Die Öffentliche Verwaltung* (DÖV). *Zeitschrift für Öffentliches Recht und Verwaltungswissenschaften*. 2016. Heft 22. S. 948-956.
  21. Gesetz des Landes Sachsen-Anhalt über Versammlungen und Aufzüge (Landesversammlungsgesetz — VersammlG LSA) vom 3. Dezember 2009 // *Gesetz- und Verordnungsblatt* (GVBl) LSA. 2009. 558. Gliederungs-Nr: 2180.1 URL: <http://www.landesrecht.sachsen-anhalt.de/jportal/?quelle=jlink&query=VersammlG+ST&psml=bssahprod.psml&max=true&aiz=true> (дата обращения: 07.02.2017).
  22. Gesetz über das Sächsische Versammlungsgesetz und zur Änderung des Polizeigesetzes des Freistaates Sachsen vom 25. Januar 2012 // *Sächsisches Gesetz- und Verordnungsblatt*. 2012. №2. S.54. URL: <https://www.revosax.sachsen.de/vorschrift/12206-Saechsisches-Versammlungsgesetz> (дата обращения: 12.05.2017).
  23. Gesetz über Versammlungen und Aufzüge (Versammlungsgesetz) in der Fassung der Bekanntmachung vom 15.11.1978 (BGBl. I S. 1790) zuletzt geändert durch Gesetz vom 08.12.2008 (BGBl. I S. 2366) m. W.v. 11.12.2008 // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/versammlg/BJNR006840953.html> (дата обращения: 12.05.2017).
  24. Gröpl C. Grundstrukturen des Versammlungsrechts / C. Gröpl // *Jura*. 2002. S. 18.
  25. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23. Mai 1949 (BGBl. S. 1), zuletzt geändert durch Artikel 1 des Gesetzes vom 23.12.2014 (BGBl. I S. 2438) // *Deutscher Bundestag*. URL: <https://www.bundestag.de/grundgesetz> (дата обращения: 12.05.2017).

26. Hillgruber. Die Meinungsfreiheit als Grundrecht der Demokratie / Hillgruber // Juristen Zeitung (JZ). 2016. Volume 71. Number 10. May 2016. 495-507.
27. Janz N. Aktuelle Fragen des Versammlungsrechts — Rechtsprechungsübersicht / N. Janz, W. Peters // Landes- und Kommunalverwaltung (LKV). 2016. Heft 3. S. 193-200.
28. Kniesel M., Poscher R. Rechtsprechungsübersicht. Die Entwicklung des Versammlungsrechts 2000 bis 2003 / M. Kniesel, R. Poscher // Die Neue Juristische Wochenschrift (NJW). 2004. S. 422-429.
29. Maunz T. (Begr.). Grundgesetz. Kommentar. Loseblattsammlung / T. Maunz, G. Dürig. C. H. Beck. Verlag. München. 78. Auflage 2016.
30. Niedersächsisches Versammlungsgesetz (NVersG) vom 7. Oktober 2010 // Niedersächsisches Gesetz- und Verordnungsblatt (GVBl). 2010. 465. 532. Gliederungs-Nr: 21031. URL: <http://www.schure.de/21031/nversg.htm> (дата обращения: 12.05.2017).
31. Scheidler A. Änderung der Gesetzgebungskompetenz im Versammlungsrecht — Erste Aktivitäten der Länder / A. Scheidler // Zeitschrift für Rechtspolitik (ZRP). 2008. Heft 5. S. 151-153.
32. Versammlungsfreiheitsgesetz für das Land Schleswig-Holstein (VersFG SH) vom 18. Juni 2015 // Fundstelle: Gesetz- und Verordnungsblatt (GVObI). 2015. 135. URL: <http://www.gesetze-rechtsprechung.sh.juris.de/jportal/portal/page/bsshopprod?feed=bssho-lr&showdoccase=1&paramfromHL=true&doc.id=jlr-VersammlFrhGSHrahmen> (дата обращения: 12.05.2017).
33. Wiefelspütz. Ist die Love-Parade eine Versammlung? / Wiefelspütz // Die Neue Juristische Wochenschrift (NJW). 2002. S. 274-276.

Alexander V. SALENKO¹

**FREEDOM OF PEACEFUL ASSEMBLY
IN RUSSIA AND GERMANY:
LEGAL TERMINOLOGY
AND CLASSIFICATION¹**

¹ Cand. Sci. (Jur.), Master of Law (LL. M., Göttingen),
Associate Professor,
Department of International and European Law,
Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)
asalenko@kantiana.ru

Abstract

This article systematically reviews the legal regulation of the freedom of peaceful assembly in Russia and Germany, in particular it shows how two states constitutes the definition of public event and its main elements. The author concludes that the Russian legislation about freedom of assembly use ‘public event’ as umbrella term, while the German law defines ‘assembly’ (*Versammlung*) as superordinate term. Another remarkable detail of Russian public event legislation is that the federal law contains all main legal terms: public event, assembly, meeting, demonstration, procession and picket. For a long time the German public assembly law lacked any legal terms of this kind. Finally the definition of assembly (*Versammlungsbegriff*) has been formulated in the case law of the Federal Constitutional Court of Germany, in particular in the Brokdorf-case (Brokdorf-Beschluß des BVerfG) in 1985 and in the Loveparade-case (Loveparade Loveparade-Beschluß) in 2001. After all the German federalism reform in 2006 has formalized the definition of public assembly in regional legislation of German federal states (*Bundesländer*). The comparative research

---

¹ The research was supported by the Immanuel Kant Baltic Federal University with the grant in the framework of the Project 5-100 (Russian Academic Excellence Project) — doctoral grants of the Immanuel Kant Baltic Federal University.

Citation: Salenko A. V. 2017. “Freedom of Peaceful Assembly in Russia and Germany: Legal Terminology and Classification”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 3, no 2, pp. 88-103.

DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-2-88-103

shows the practical importance of the legal terminology in the field of the public protest legislation and also it makes it possible to detect the positive and negative sides of the Russian legislation regulating the freedom of peaceful assembly. Based on the comparative constitutional research the author provides recommendations with regard to modernization of the Russian public assembly law.

Keywords

Assembly, demonstration, meeting, procession, picket, freedom of peaceful assembly, public event, public assembly law, Versammlungsrecht, Versammlungsfreiheit, nanomeeting, flashmob, smartmob, loveparade, federalism reform, Föderalismusreform, Germany, Russia, Russian Federation, Federal Republic of Germany.

DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-2-88-103

REFERENCES

1. “V Barnaule igrushki ustroili novyy ‘nanomiting’” [The Toys Have Organized New ‘Nanomeeting’ in Barnaul]. Internet-portal “Prava cheloveka v Rossii” (HRO.org). 20.02.2012. Accessed on May 19, 2017. <http://hro.org/node/13314>
2. Gogitidze K. 2012. “Vlasti zainteresovalis’ igrushechnymi mitingami” [Public Authorities Got Interested in the Nanomeetings]. BBC. Russian Service. Accessed on May 19, 2017. http://www.bbc.com/russian/russia/2012/01/120127_barnaul_nanomeeting_toys_rally.shtml
3. Zaburina O. 2017. “Vstrechi deputatov s izbiratelyami v Peterburge priravniali k mitingam” [Electoral Appointments with Deputies in St. Petersburg Shall Be Equated with Meetings]. Russian Information Agency «RBC.RU». Accessed on May 19, 2017. http://www.rbc.ru/spb_sz/08/02/2017/589b1f719a7947af393b644d
4. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [Constitution of the Russian Federation] (as amended by the following laws on 30.12.2008 No 6-FKZ, on 30.12.2008 No 7-FKZ, on 05.02.2014 No 2-FKZ, on 21.07.2014 No 11-FKZ). SPS “Konsultant Plus”.
5. Knyazeva I. I. 2012. “K voprosu o ponyatii i sushnosti fleshmoba kak odnoy iz form provedeniya publichnykh meropriyatiy” [Flashmob as One of the Forms of the Public Events: Its Definition and Characteristics]. Konstitutsionnoe i municipal’noe pravo, no 8, pp. 35-37.
6. Osnovnoy Zakon Federativnoy Respubliki Germaniya [Basic Law of the Federal Republic of Germany] adopted on May 23, 1949. Bavarian State Library. 100(0) key documents from German history in 20th century. Accessed on May 19, 2017. http://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&st=&l=ru
7. Riekkinen M. A. 2014. “Konstruktivnyi protest v konstitutsionnom prave: idealizirovanny mif ili potentsialnaya real'nost'?” [Constructive Protest in Constitutional Law: Idealized Fiction or Potential Reality?]. Lex Russica, vol. XCVI, no 5, pp. 587-593.

8. Riekkinen M. A. 2016. “‘Protest’ v konstitutsionnom prave: sodержanie i znachenie” [‘Protest’ in Constitutional Law: Content and Meaning]. Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy, no 1 (6), pp. 163-169.
9. Simonova S. V. 2015. “Formy publichnykh meropriyatiy: problemy i podkhody” [Forms of Public Events: Problems and Approaches]. Vestnik Yaroslavskego gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki, no 1, pp. 53-56.
10. Titeev A. “Luchshiy EVRO v istorii sbornoy Rossii” [The Best EURO Championship for the Russian Football Team]. Internet-portal ‘Championat.com’. Accessed on May 19, 2017. <https://www.championat.com/football/article-126106-luchshij-evro-v-istorii-sbornoi-rossii.html>
11. Shablinsky I. 2016. “Pravovye usloviya provedeniya mirnykh sobraniy i reshenie Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka po delu ‘Frumkin protiv Rossii’: Kommentariy k postanovleniyu ESPCH ot 5 yanvarya 2016 goda (zhaloba no 74568/12)” [Freedom of Peaceful Assembly and the European Court of Human Rights Case of Frumkin v. Russia: A Commentary to the Judgment of the ECHR of 5.01.2016 (application no 74568/12)]. Mezhdunarodnoe pravosudie, no 4, pp. 12-26.
12. Federalnyy zakon ot 19.06.2004 no 54-FZ ‘O sobraniakh, mitingakh, demonstratsiyakh, shestviyakh i piketirovaniyakh’ [Federal Law on 19.06.2004 ‘About Assemblies, Meetings, Demonstrations, Processions and Picketings’]. SPS “Konstant Plus”.
13. Bayerisches Versammlungsgesetz (BayVersG) vom 22. Juli 2008 (GVBl. S. 421, BayRS 2180-4-I), das zuletzt durch § 1 des Gesetzes vom 23. November 2015 (GVBl. S. 410) geändert worden ist // URL: <http://gesetze-bayern.de/Content/Document/BayVersG08> (дата обращения: 12.05.2017).
14. Blanke T., Sterzel D. 1981. „Demonstrationsfreiheit — Geschichte und demokratische Funktion“. Kritische Justiz (KJ), s. 347.
15. Burgi M. 1993. „Art. 8 GG und die Gewährleistung des Versammlungsorts. Die Öffentliche Verwaltung (DÖV)“. Zeitschrift für Öffentliches Recht und Verwaltungswissenschaften, s. 633.
16. Bundesverfassungsgericht: Love Parade ist nur Spaß. SPIEGEL-ONLINE. Accessed on May 19, 2017. <http://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/bundesverfassungsgericht-love-parade-ist-nur-spass-a-144799.html>
17. Deutelmoser A. 1999. „Angst vor den Folgen eines weiten Versammlungsbegriffs? (Love-Parade, Chaos- Tage als Versammlung)“. Neue Zeitschrift für Verwaltungsrecht, s. 240.
18. FAZ: „Loveparade ist eine Spaßveranstaltung“. Frankfurter Allgemeine Zeitung. FAZ.NET. 13.07.2001. Accessed on May 19, 2017. <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/berlin-loveparade-ist-eine-spassveranstaltung-131767.html>
19. Frankenberg G. 1981. „Demonstrationsfreiheit — eine verfassungsrechtliche Skizze“. Kritische Justiz (KJ), s. 370.
20. Gericke J. 2016. “Heidelberg. 30 Jahre Brokdorf-Beschluss — Versammlungsrecht quo vadis?“. Die Öffentliche Verwaltung (DÖV). Zeitschrift für Öffentliches Recht und Verwaltungswissenschaften, heft 22, s. 948-956.
21. „Gesetz des Landes Sachsen-Anhalt über Versammlungen und Aufzüge (Landesversammlungsgesetz — VersammlG LSA) vom 3. Dezember 2009“. Gesetz-

- und Verordnungsblatt (GVBl) LSA. 2009. 558. Gliederungs-Nr: 2180.1 Accessed on May 19, 2017. <http://www.landesrecht.sachsen-anhalt.de/jportal/?quelle=jlink&query=VersammlG+ST&psml=bssahprod.psml&max=true&aiz=true>
22. „Gesetz über das Sächsische Versammlungsgesetz und zur Änderung des Polizeigesetzes des Freistaates Sachsen vom 25. Januar 2012“. Sächsisches Gesetz- und Verordnungsblatt, 2012, no 2, s.54. Accessed on May 19, 2017. <https://www.revosax.sachsen.de/vorschrift/12206-Saechsisches-Versammlungsgesetz>
23. Gesetz über Versammlungen und Aufzüge (Versammlungsgesetz) in der Fassung der Bekanntmachung vom 15.11.1978 (BGBl. I S. 1790) zuletzt geändert durch Gesetz vom 08.12.2008 (BGBl. I S. 2366) m.W.v. 11.12.2008. Accessed on May 19, 2017. <https://www.gesetze-im-internet.de/versammlg/BJNR006840953.html>
24. Gröpl C. 2002. Grundstrukturen des Versammlungsrechts. Jura, s. 18.
25. „Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23. Mai 1949 (BGBl. S. 1), zuletzt geändert durch Artikel 1 des Gesetzes vom 23.12.2014 (BGBl. I S. 2438)“. Deutscher Bundestag. Accessed on May 19, 2017. <https://www.bundestag.de/grundgesetz>
26. Hillgruber. 2016. „Die Meinungsfreiheit als Grundrecht der Demokratie“. Juristen Zeitung, vol. 71, no 10, s. 495-507.
27. Janz N., Peters W. 2016. „Aktuelle Fragen des Versammlungsrechts — Rechtsprechungsübersicht“. Landes- und Kommunalverwaltung (LKV), heft 3, s. 193-200.
28. Kniesel M., Poscher R. 2004. „Rechtsprechungsübersicht. Die Entwicklung des Versammlungsrechts 2000 bis 2003“. Die Neue Juristische Wochenschrift (NJW), s. 422-429.
29. Maunz T., Dürig G. (Begr.). 2016. Grundgesetz. Kommentar. Loseblattsammlung. C.H.Beck. Verlag. München. 78. Auflage
30. „Niedersächsisches Versammlungsgesetz (NVersG) vom 7. Oktober 2010“. Niedersächsisches Gesetz- und Verordnungsblatt (GVBl). 2010. 465. 532. Gliederungs-Nr: 21031. Accessed on May 19, 2017. <http://www.schure.de/21031/nversg.htm>
31. Scheidler A. 2008. „Änderung der Gesetzgebungskompetenz im Versammlungsrecht — Erste Aktivitäten der Länder“. Zeitschrift für Rechtspolitik (ZRP), heft 5, s. 151-153.
32. „Versammlungsfreiheitsgesetz für das Land Schleswig-Holstein (VersFG SH) vom 18. Juni 2015“. Fundstelle: Gesetz- und Verordnungsblatt (GVOBl), 2015, s. 135. Accessed on May 19, 2017. <http://www.gesetze-rechtsprechung.sh.juris.de/jportal/portal/page/bsshoprod?feed=bssho-lr&showdoccase=1&paramfromHL=true&doc.id=jlr-VersammlFrhGSHrahmen>
33. Wiefelspütz. 2002. „Ist die Love-Parade eine Versammlung?“. Die Neue Juristische Wochenschrift (NJW), s. 274-276.